

«Испытанный союзник»: советские контакты Ф. Боноски

© 2024, О.И. Щербинина

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при президенте Российской Федерации,
Москва, Россия

Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00393 «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке» (<https://rscf.ru/project/23-18-00393/>).

Аннотация: В статье восстанавливаются литературные контакты американского писателя и публициста Филипа Боноски (1916–2013) с СССР. После глубокого кризиса, постигшего компартию США в 1956 г., Ф. Боноски остался «другом СССР», зарекомендовав себя преданным коммунистом и «защитником устоев». На основе архивных материалов из фондов РГАЛИ мы демонстрируем, что такая просоветская позиция сулила писателю особые предпочтения, которыми он с удовольствием пользовался. Ф. Боноски многократно бывал в СССР — как с рабочими, так и культурно-туристическими визитами. Пуская в ход личные знакомства, он неоднократно пытался ускорить публикацию своих сочинений на русском языке и получить за них гонорар. Однако повести и «пролетарские» романы Боноски не имели большой литературной судьбы ни в СССР, ни в США: они остались маргинальным явлением и едва ли воспринимались как значимая культурная величина в оттепельную эпоху, несмотря на декларируемый советскими критиками интерес к произведениям о жизни и борьбе американских рабочих.

Ключевые слова: советско-американские литературные контакты, Ф. Боноски, Третий съезд советских писателей, холодная война и «оттепель», архивные материалы.

Информация об авторе: Ольга Ивановна Щербинина — младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия; преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, пр. Вернадского, д. 82, кор. 2, 119571 г. Москва Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2102-547X>

E-mail: olga-scherbinina24@mail.ru

Для цитирования: *Щербинина О.И.* «Испытанный союзник»: советские контакты Ф. Боноски // Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 341–361. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-341-361>

После XX съезда КПСС, на котором был зачитан секретный доклад Хрущева «О культе личности и его последствиях» (1956), компартия США, и шире — левое движение, оказались на грани гибели. Положение усугубляли внутривнутрипартийный раскол, массовый отток активистов, потеря подписчиков партийной прессы, ограниченные финансовые ресурсы. «Прогрессивный» лагерь покинули Джон Гейтс — главный редактор «Daily Worker», Говард Фаст — лауреат международной Сталинской премии, ставший главным писателем десятилетия 1947–1957 гг. в СССР, Джозеф Старобин — иностранный корреспондент «Daily Worker», Сэмюэль Силлен и Мильтон Говард — главные редакторы «Masses and Mainstream» и др. После ухода этих харизматичных и опытных коммунистов, обладавших большим репутационным капиталом, много лет стоявших у руля партийной прессы и во многом определявших просоветскую повестку в Америке, стало ясно, что «прогрессивная» литература США вступила в пору своего заката.

Наблюдая за этими процессами из-за океана, советские инстанции, однако, не спешили признавать очевидное. В справке для служебного пользования, подготовленной в это время Иностранной комиссией Союза писателей (СП), мы находим:

В прогрессивном лагере американских литераторов остались и активно действуют испытанные ветераны рабочего движения — старейший пролетарский поэт и публицист Майкл Голд, поэт Уолтер Лоуенфелс, публицист и писатель Джо Норс, честно, с достоинством держатся Альберт Мальц, поэт и писатель Томас Макграт, романист Филипп Боноски, писатели Альва Бесси и В. Джером. Активно выступают по вопросам негритянской культуры и истории негритянского народа «отец негритянского народа», старейший учёный, писатель и общественный деятель Уильям Дюбуа, писательница Ширин Грехем, Ллойд Браун.

Среди писателей, близких рабочему классу и объединённых прогрессивным мировоззрением, можно назвать также имена Меридель Лесмер, публициста Альберта Кана, писателей Александра Сакстона, Ларса Лоуренса, Дороти Стерлинг, Абрагама Полонского, сценаристов и драматургов Дальтона Трамбо и Лоусона, поэтесс Ив Мерризм, Ирэны Поли, Марты Миллет, Маргарет Уолкер, находящейся в Китае журналистки Анны Луизы Стронг и других менее известных американских писателей, журналистов и критиков¹.

В этой разношерстной когорте малоизвестных широкой аудитории авторов мы обнаруживаем и имя Филипа Боноски (1916–2013), звезда которого зажглась на небосклоне левой литературы США во второй половине 1950-х гг. После низвержения Г. Фаста с писательского Олимпа, Ф. Боноски взял на себя обязанности по созданию дружественной просоветской публицистики. В 1960–1970-е гг. он плотно сотрудничал с «Литературной газетой», «Известиями», «Иностранной литературой». Автор многочисленных рассказов и двух «пролетарских» романов («Долина в огне» (*Burning Valley*, 1953), «Волшебный папоротник» (*Magic Fern*, 1961)), Боноски имел писательские амбиции, однако вырасти в автора мирового масштаба ему не удалось. В 1960-х и 1970-х гг. властителями дум, кумирами советских читателей оказались Э. Хемингуэй, Дж. Сэлинджер, Дж. Апдайк, К. Воннегут², а вот интерес к сочинениям Боноски, созданным в традициях «красных тридцатых», был невысок. Отчасти он искусственно подогревался советскими критиками, стремившимися доказать, что пролетарская литература США жива и плодоносна, а рабочий вопрос, вопреки «теориям буржуазной печати», далек от своего разрешения³. Об усилиях Иностранной комиссии СП, направленных на создание образа Филипа Боноски — «писателя-реалиста», друга СССР и врага американского империализма, свидетельствуют многочисленные документы, отложившиеся в фондах РГАЛИ (личная и рабочая переписка, отчеты гидов, биографические справки, интервью и т. п.), а также материалы прессы. Этот документальный массив внушителен по объему и рассредоточен по разным источникам. В данной работе

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3991. Л.1.

² Имена этих писателей встречались почти в каждом ответе на анкету Р. Орловой, обратившейся к советским литераторам с вопросом: «Какую роль в Вашей жизни сыграла американская литература?» [3].

³ *Елистратова А.* Операция «Тэрпен» получает огласку // Литературная газета. 1961. 7 сентября.

мы провели работу по его первичному сбору, освоению и аналитическому осмыслению.

«Сын литовского народа»

В молодости Филип Боноски — литовец по происхождению, выходец из бедной иммигрантской семьи — работал на сталелитейном заводе и принимал активное участие в профсоюзном движении. С 1947 г. в прокоммунистическом журнале «Mainstream» начали появляться его рассказы и статьи⁴, а в 1951 г. он вошел в редколлегию издания.

Первый литературный успех Боноски был ознаменован выходом его романа «Долина в огне». В центре повествования — Бенедикт Блуманис, юноша из эмигрантской семьи, планирующий стать священником. Он оказывается участником острого социального конфликта: заводская компания, в чьей собственности находятся жалкие хибары, заселенные рабочими и неграми, решила выселить своих арендаторов, лишив тем самым их единственного жилья. Роман был восторженно воспринят левой прессой⁵. В своей рецензии главный редактор «Masses and Mainstream» Ч. Гумбольдт отмечал писательское мастерство Боноски, который написал убедительный, яркий и высокохудожественный роман, а не очередное «красное читиво» (red pulp). Иллюстрируя своеобразие образов «Долины в огне», Ч. Гумбольдт приводил ряд понравившихся ему метафор: это «сгусток крови, выпрыгнувший, как красный мяч» изо рта избитого активиста Добрика; мертвая птичка со сломанным крылом — пытаюсь спастись, в оцепенении отец Бенедикта так крепко сжал ее в кулаке, что нечаянно раздавил; «отвратительная вонь» из печи, где сжигают падаль — новоприбывшему священнику, брезгливому снобу и мизантропу, она не дает покоя, но сам Бенедикт ее будто не чувствует⁶. Завершая рецензию, Ч. Гумбольдт сравнивает персонажей «Долины в огне», настоящих потомков Джо Магарака⁷, и героя повести Хемингуэя «Старик и море» — сильного и упорного борца, но свидетелями его сражения оказываются только звезды и бескрайние воды:

⁴ См., например: *The Picnic* (March, 1948. P. 21–27), *A Quiet Summer's Day* (August, 1948. P. 15–23), *Dickie and the Fat Lady* (June, 1950. P. 65–76) и др.

⁵ *Brown L. Men of Steel // Political Affairs*. 1954. April. P. 61–65; *Gold M. A Memorable Novel by a Son of a Steelworker // Daily Worker*. 1953. December, 3. P. 8.

⁶ *Humboldt Ch. Steel Worker's Son // Masses and Mainstream*. 1953. December. P. 54.

⁷ Вымышленный псевдофольклорный герой, стальной человек, родившийся и выросший под землей.

Старик не представляет угрозы для правящего класса. Он не может ни внушить угнетенным массам надежду, ни чему-либо их научить. Эксплуататоры хотят, чтобы борьба рабочих изображалась именно в таком ключе. <...> Если критики, поющие осанну «Старику и морю», обделят роман Боноски вниманием, они только обнаружат свою продажность и полную неспособность выносить как моральные, так и литературные суждения⁸.

Несмотря на лестное сравнение со «Стариком и морем», «Долина в огне» так и не завоевала популярности в США, а в СССР роман был напечатан только после двух лет напряженных переговоров. Реальная издательская практика красноречиво говорит о той художественной ценности, которую в глазах советских редакторов имели сочинения американских авторов. Если «Старика и море» напечатали в «Иностранной литературе» вне очереди⁹, то Боноски — автору, чьему перу принадлежали «незабываемые образы коммунистов» и «великолепные массовые сцены забастовок, классовых битв и горячих дебатов» [1, ч. 2, с. 314], не раз приходилось напоминать о себе и своем романе.

Литературные контакты Боноски с СССР стали особенно интенсивными после 1956 г. В переломный для всего американского левого движения момент он занял охранительно-просоветскую позицию, примкнул к «фостеровской» фракции компартии США и выступил против сторонников Дж. Гейтса, «раскачивавших лодку». Участвуя в кампании по разоблачению «предательской деятельности» Фаста, Боноски зарекомендовал себя преданным коммунистом, «защитником устоев». Он охарактеризовал поступок Фаста как «дезертирство под огнем»; советская пресса взяла эту формулу на вооружение, использовав в заглавии редакционного обзора «Литературной газеты» — о решении американского писателя разорвать с левым движением¹⁰. Вступая в заочный спор с Фастом, Боноски повторял: «Красная Армия в одиночку уничтожила гитлеризм», «вытащила из гитлеровских печей» тысячи евреев, эвакуировала их¹¹. Это выступление на страницах «Masses

⁸ *Humboldt Ch. Steel Worker's Son*. P. 57.

⁹ Р. Орлова свидетельствует, что своеобразной санкцией на публикацию стало переданное И. Эренбургом редакции утверждение В. Молотова, что книгу не запрещали, а сам Молотов просто ее не читал и слышал, что «она глупа» [4, с. 40].

¹⁰ Дезертирство под огнем. По страницам прогрессивной печати США // Литературная газета. 1957. 24 августа.

¹¹ *Bonosky P. More Comments on Howard Fast // Masses and Mainstream*. 1957. April. P. 47–51.

and Mainstream» и «непримиримая, резко принципиальная позиция по отношению к Фасту после его ренегатского ухода из компартии США»¹² были восприняты советской стороной как доказательство лояльности и благонадежности Боноски.

«Чудесное лето» 1959 г.: III съезд советских писателей

В 1959 г. глава Иностранной комиссии СП Б. Полевой пригласил Боноски посетить III съезд советских писателей. Американский писатель прибыл в Москву с женой Фейс, оказавшись единственным делегатом от США. На третий день съезда он выступил с докладом, в котором повторял эстетические клише, сформулированные еще в сталинские времена. В соответствии с этим нарративом, в американской популярной культуре царили «пессимизм, отчаяние, неверие в человека, безрадостная и болезненная эротика, декаданс». Однако эта печальная картина, по мнению Боноски, говорила не о «полном разложении», а о «потере перспективы и цели». Завершая свое выступление на оптимистичной ноте, писатель провозглашал:

Я твердо верю, что творческое начало в американской культуре — то начало, представителями которого являются Марк Твен, Уолт Уитмен, Теодор Драйзер и многие другие — снова возродится. Несмотря на то, что ревизионисты, те, кто порвал с левым движением в Америке, оказали большую услугу реакции, дух американского рабочего класса остается здоровым¹³.

На съезде Боноски познакомился с ведущими советскими писателями: П. Нилиным, чья книга «Товарищ Венька» была недавно издана в США¹⁴, В. Дудинцевым, А. Сурковым, К. Фединым, В. Катаевым, И. Эренбургом, Л. Соболевым, Б. Полевым и др. По словам Боноски, с Дудинцевым он встретился «совершенно случайно, проходя по Красной площади в перерыве между заседаниями»¹⁵. Два года назад, когда в СССР был опубликован роман «Не хлебом единым», фигура Дудинцева приковала к себе внимание западной прессы¹⁶. Вокруг кампании по его травле, учиненной его

¹² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3991. Л. 5.

¹³ Третий съезд писателей СССР, 18–23 мая 1959 г. Стенографический отчет. М.: Сов. писатель, 1959. С. 142.

¹⁴ *Nilin P. Comrade Venka*. New York: Marzani and Munsell, 1959. Пер. повести «Жестокость» (1956).

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4283. Л. 5.

¹⁶ См.: *Whitney T. The Novel that Upsets the Kremlin* // *New York Times*. 1957. March 24; *Ingalls L. Soviet Attempts to Block the Book* // *New York Times*. 1957.

же коллегами по указке свыше, возник настоящий ажиотаж. Однако скоординированными усилиями советской стороне удалось потушить разгоравшийся пожар: автора отгородили от самостоятельного общения с внешним миром, и дабы не расплыть еще больший интерес к роману за рубежом, «Международная книга» заключила контракты с иностранными «прогрессивными» издательствами на его перевод и публикацию, после чего «пропагандистские спекуляции на нем резко пошли на убыль» [2, с. 96]. В беседе с Дудинцевым Боноски высказал предположение: немногие на Западе поверят в то, что он лично разговаривал с писателем, чье имя совсем недавно поливали грязью. В ответ на это Дудинцев якобы рассмеялся, как смеются «многие советские люди над тем глубоким непониманием советской жизни, которое типично для Соединенных Штатов»¹⁷. В статье, написанной для журнала «Worker», Боноски замечал:

К критике, направленной против него лично, он <Дудинцев> отнесся очень серьезно, но считает ее слишком односторонней. Что касается критики вообще, он сказал, что она нужна человеку ежедневно. Сталин должен был получать причитающуюся ему долю критики ежедневно. А так как этого не происходило, то в конце концов всё это привело к результатам, которые общеизвестны.

Дудинцев поздравил меня с тем, что я живу среди «пиратов», которые заграбастали его книгу и попытались превратить ее в оружие против его же собственного народа¹⁸.

После окончания работы съезда для делегатов был устроен торжественный прием в Кремле. На нем Боноски представили Хрущеву и Микояну — вместе они выпили за мир и взаимопонимание между народами:

Мы стояли под эмблемами царских орденов. На стенах красовались надписи, прославляющие военные победы царей, и я сказал Хрущеву, что, по-моему, не надо лучшего доказательства, что рабочие стали подлинными хозяевами этой страны, чем тот факт, что мы с ним — бывший сталевар и бывший шахтер — стоим здесь, в Кремле, и подымаем бокалы в общем тосте. Хрущев согласился со

March 3; Trials of a Lone Inventor // Times. 1956. December 10; Lawsuit over Book // Times. 1957. June 25 и др.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4283. Л. 5.

¹⁸ Там же. Л. 5–6.

мной и ответил словами «Интернационала»: «Мы были ничем, мы стали всем»¹⁹.

По приглашению Союза литовских писателей сразу после съезда Боноски отправился на родину своих отцов. Став участником стандартной программы культпоказов, он посетил цементный завод, Каунасскую гидроэлектростанцию, исторические места древнего города Тракай и т. п. Демонстрируя Боноски «красивые, новые заводы, построенные Советской властью, где еще десять лет назад кричали болотные чибисы», «прекрасные школы», в которых «сыновья и дочери бывших неграмотных батраков и рабочих получали образование», «чудесные, общими усилиями построенные колхозные села, где дети в освещенных электричеством домах слушали рассказы старших о сравнительно недавних временах, когда шведскую спичку, экономя ее, делили на четыре доли»²⁰, литовские чиновники стремились доказать американцу: Литва — не заложница Москвы, а сплетни о том, что под русским игом «литовский народ оказался между молотом национального выживания и наковальной национального вымирания»²¹, множились исключительно горсткой буржуазных националистов, врагами и вредителями. Рабочие, фермеры, бывшие партизаны, представители творческой интеллигенции и все, кого бы Боноски ни встречал на своем пути, твердили об одном: будущее Литвы неразрывно связано с Советским Союзом. Даже с трибуны III съезда писателей, призывая Боноски в свидетели, поэт Эдуардас Межелайтис провозглашал:

Мне не позволит ввести вас в заблуждение присутствующий здесь коллега Боноски, который мог бы подтвердить, сколь отвратительно было поведение этих реакционеров во время венгерских событий <1956 г.>. Литовские буржуазные националисты за рубежом, лелеющие мечту об идеологической инфильтрации, всячески чернили достижения нашей литературы, пытались путем клеветы, шантажа, угроз и духовного террора вызвать смятение среди наших писателей, заронить в них зловредное семя сомнения. К чести наших писателей, надо сказать, что они с твердостью и решительностью

¹⁹ Там же. Л. 1.

²⁰ *Беляускас А.* Веление сердца // Литературная газета. 1959. 21 июля. А. Беляускас — литовский писатель, сопровождавший Боноски в поездке по Литве.

²¹ *Bonosky P.* *Beyond the Borders of Myth, from Vilnius to Hanoi.* New York: Praxis Press, 1967. P. 33.

выдержали это идейное испытание. И никому не повернуть нас вспять. Тщетные усилия! ²²

Как и десятки писателей, журналистов, интеллектуалов до него, Боноски оказался заложником своих собственных идеалистических представлений и избирательного восприятия. Материалы, изданные по итогам его поездки, свидетельствуют о том, что он усвоил тезис о «нерушимости союза» свободных республик. Удивляясь контрасту между «Литвой своих родителей — страной невежества и суеверий, страха и нищеты» и «новой Литвой — страной молодости, людей, вдохновленных ясной мечтой, творцов»²³, Боноски выступил против «непрощенных освободителей», кучки эмигрантов, «вопивших об “освобождении” народов» Латвии, Литвы и Эстонии, давно уже свободных:

В советских республиках Прибалтики свобода не является пустым словом. Она дает людям все возрастающее процветание, рост материальной и духовной культуры. Те отщепенцы, нашедшие жалкий приют в «свободной Америке», исповедуют только одно: смерть. Советская Литва вместе со всеми свободными республиками Советского Союза отрицает смерть. Она строит жизнь. Хорошую жизнь, справедливую, достойную человека²⁴.

Вернувшись из Литвы, Боноски посетил подмосковный Крюков, где располагался лагерь для заключенных. Сопровождал его Лев Шейнин — один из советских обвинителей на Нюрнбергском процессе, который потом оставил профессию юриста и стал профессиональным писателем — автором криминальных детективов. В позднесталинские годы сам Шейнин находился под следствием как участник «сионистского заговора». Он активно сотрудничал с органами и докладывал о преступных замыслах «еврейских националистов» [2, с. 18–19]. Такие пикантные подробности биографии своего экскурсовода Боноски, очевидно, не знал. Шейнина он охарактеризовал как человека с «живым и острым умом»:

²² *Межелайтис Э.* Лучшая традиция — поиск. Выступления участников съезда // Литературная газета. 1959. 23 мая.

²³ *Боноски Ф.* Я увидел новую страну // Советский Союз. 1959. № 8. С. 40.

²⁴ *Боноски Ф.* Непрощенные «освободители» // Огонек. 1960. С. 25.

Он близко знаком с изнанкой как до-, так и послереволюционной жизни и сохраняет эту твердую уверенность в способность исправления человека, независимо от его проступков, независимо от совершенных им преступлений, исключением являются разве только фашисты, которых он, как еврей, имеет больше оснований ненавидеть²⁵.

Боноски был в восторге от того, что увидел в Крюкове. Как и другие иностранные гости, посетившие колонию, он отметил образцовые условия содержания заключенных:

Лагерь охранялся слабо, обнесен всего лишь деревянным забором, поверх которого протянута проволока, чтобы не выламывали доски. В мастерских за работой следил бригадир. Бригады соревновались между собой, за выработку назначались премии, что создавало ощущение обычных условий работы, как на любом советском заводе²⁶.

Как рассказывает Боноски, приметив иностранца, заключенные окружили его и начали расспрашивать о жизни в Америке. Писатель развернул перед ними неприкрашенную картину американской пенитенциарной системы. После этого у одного из заключенных вырвалось: «Боже мой! Хорошо, что я нахожусь в советском лагере!»²⁷

Материал, прославляющий советскую систему колоний — по мнению Боноски, самую гуманную в мире, был напечатан двумя годами позже в журнале «*Masses and Mainstream*»²⁸.

Общее впечатление писателя об СССР было крайне восторженным. В письме первому секретарю СП А. Суркову Боноски благодарил за возможность воочию увидеть достижения социализма:

Каким счастьем являлась для меня возможность лично побывать здесь и своими собственными глазами засвидетельствовать ту истину, которую мы защищали, основываясь на вере и верности рабочему классу. Социализм не только существует в Советском Союзе, но

²⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4282. Л. 6.

²⁶ Там же. Л. 22.

²⁷ Там же. Л. 29.

²⁸ *Bonosky P. A Visit to Soviet Prison Camp // Mainstream. 1961. November. P. 15–38.*

он быстро сменяется первыми проявлениями коммунизма. Только глухой и слепой может не заметить этого. Но даже глухой и слепой знает об этом. Лишь только люди полные злобы и яда, напитанные мизантропией не способны понять наличия ваших достижений и цели, которую Вы поставили перед собой и всем миром²⁹.

Переписка с Союзом писателей: рабочие контакты

После отъезда из Москвы Филип и Фейс Боноски поддерживали связь с СП через консультанта Фриду Лурье и зам. председателя Иностранной комиссии Елену Романову. В своей переписке они обсуждали творческие планы и материальные трудности. Боноски сообщал, что из-за кризиса, наступившего «Masses and Mainstream», ему перестали выплачивать зарплату и теперь выполнять обязанности редактора ему приходилось на безвозмездной основе³⁰. В связи с этим он просил Ф. Лурье выступить в качестве его литературного агента и разузнать, как обстоят дела с публикацией его романов на русском языке, ведь причитавшийся ему гонорар был бы как нельзя кстати. Рукопись «Волшебного папоротника», который на тот момент еще не вышел в Америке, Боноски передал в СССР летом 1959 г. «Издательством иностранной литературы» роман был принят к публикации, и в личной беседе директор издательства П.А. Чувилов пообещал Боноски перевести часть гонорара в валюте США³¹. «Долину в огне» писатель выслал в СП по почте 30 сентября 1959 г. Помимо личных договоренностей, у Боноски были все основания полагать, что оба романа в скором времени выйдут в СССР. В 1954–1964 гг., которые М. Фридберг окрестил «десятилетием эйфории», сочинения писателей, продолжавших линию соцреализма и традиции «красных тридцатых», стали активно переводиться в СССР. На полках книжных магазинов и библиотек появились книги, вышедшие в США десятью, двадцатью и даже тридцатью годами ранее³². Таким образом, Боноски явно вписывался в тренд, оформившийся с приходом «оттепели».

Попытки Ф. Лурье и Е. Романовой навести справки по поводу публикации «Долины в огне» не увенчались успехом. Однако Боноски продолжал гнуть свою линию:

²⁹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3999. Ф. Боноски — А. Суркову, 24 августа 1959 г.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4055. Ф. Боноски — Е. Романовой, 28 октября 1959 г.

³¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4042. Л. 6.

³² Ср.: А. Мальц «Крест и стрела» (*Cross and Arrow*, 1944, рус. пер. 1961); М. Додд «Посеешь ветер» (*Sowing the Wind*, 1945, рус. пер. 1959); Р. Кент «Саламина» (*Salamina*, 1935, рус. пер. 1962), «Курс N by E» («*N by E*», 1930, рус. пер. 1962) и др.

Сейчас мой роман у <А.>Трахтенберга, который охает и ахает по поводу его внушительного объема. Издательство <New Century Publishers> не подтвердило свое намерение напечатать роман, но я думаю, что рано или поздно это произойдет. Конечно, П. Чувилов, директор Издательства иностранной литературы, мог бы ускорить этот процесс, если бы выслал мне обещанный гонорар. Очень жаль, что такие вещи зависят от денег — но это факт³³.

Спустя несколько месяцев ситуация с гонораром грозила перерасти в скандал, о чем СП был вынужден сигнализировать в ЦК КПСС. В докладной записке от 12 января 1960 г. секретарь правления СП М. Турсун-заде сообщал:

Как свидетельствуют многочисленные письма Ф. Боноски с выражениями крайнего недоумения по поводу отсутствия в банке денежного перевода от издательства, обещание осталось невыполненным. Наши попытки получить от т. Чувилова П.А. ясный ответ о сроках выполнения Издательством данного обещания успехом не увенчались. Теперь уже Издательство намеревается произвести выплату гонорара лишь после выхода книги, т. е. не ранее 1961 года.

Горькое недоумение, которое вызывает у писателя-коммуниста Ф. Боноски сложившаяся ситуация и невозможность появления книги на родине писателя заставляет нас обратиться к Вам с убедительной просьбой вмешаться в это дело и дать Издательству соответствующие указания³⁴.

Наконец, аванс был выплачен, и Боноски решил лично приехать в Москву летом 1960 г. Писатель надеялся дособрать материал для книги о своем путешествии по странам соцлагеря под рабочим названием «Третий мира». В письмах переводчице Е. Голышевой он подчеркивал необходимость ближе познакомиться с жизнью простых советских людей, а также побывать в Грузии, Армении:

Мой материал о России оказался слишком однобоким: я слишком много написал о культуре и слишком мало о социальной и индустриальной жизни. В Москве я часто говорил Фриде <Лурье>, что хотел бы посетить сталзаводы, суды, колхозы, пообщаться с профсоюзными активистами³⁵.

³³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4055. Ф. Боноски — Е. Романовой, 28 октября 1959 г.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4042. Л. 6.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4055. Л. 21.

В этот раз Боноски не был гостем СП — а это означало, что поездка будет сопряжена с большими расходами. И все же писатель планировал покрыть часть затрат за счет рублевых гонораров от двух издательств: «Иностранной литературы» (за роман «Волшебный папоротник») и ГИХЛ (за роман «Долина в огне») — на тот момент ни один из них еще не вышел из печати. При этом обеспечивать гостю комфортные условия проживания, организовывать культурную программу, кормить вкусной едой, то есть пускать в ход проверенные «техники гостеприимства», советская сторона в полном объеме не собиралась. В письме Боноски от 12 мая 1960 г. Е. Романова сообщала:

В Литве и в Москве Ваш роман выйдет из печати не раньше следующего года. Иногда наши издательства выплачивают аванс — в этом Вы убедились на своем опыте. Однако они четко соблюдают правило, согласно которому только после издания книги с автором производятся финальные расчеты. Боюсь, Ваш счет в рублях этим летом будет пуст. Кроме того, прошлым летом для Вас было сделано множество исключений, и Вам было предоставлено больше количество возможностей. Такое не часто случается в жизни, и среди наших общих друзей предостаточно таких примеров³⁶.

Этот категоричный тон, столь отличный от льстивого заискивания, был не характерен для советских институций. Объясняться он может целым рядом причин — в том числе, настоящим бумом иностранного туризма в СССР в 1960-е гг. Гости из-за рубежа буквально заваливали СП письмами, в которых изъявляли желание приехать в Москву. Особый интерес был проявлен еврейскими писателями — в ходе своих «инспекционных» поездок они наводили справки о своих пропавших родственниках, следили за ходом кампании по возрождению еврейской культуры (П. Новик, Х. Суллер); учеными-гуманитариями, которым были необходимы материалы советской прессы и другие первоисточники (Д. Браун, автор монографии «Американская литература в Советском Союзе» [5], Ирвин Уайл и Ден Левин, исследователи творчества М. Горького [6; 7] и др.); а также целой плеядой известных писателей, отношения которых с СССР ранее были прохладными или вовсе натянутыми (Дж. Стейнбек, Э. Олби (1963), Дж. Апдайк (1964), А. Гинзберг (1965) и др.).

³⁶ Там же. Л. 18.

Судя по ответу Е. Голышевой, в очереди желающих посетить Москву Боноски стоял далеко не первым. Это, однако, не заставило писателя отказаться от своих планов, и в июне 1960 г. без согласования с СП он отправился в Чехословакию. Узнав, что Боноски находится в «дружественной стране», Е. Романова была вынуждена решать вопрос с оплатой транспортных расходов в ручном режиме. Обращаясь к начальству с просьбой покрыть часть затрат из фонда СП, она сообщала, что писателю необходимо собрать материал для травелога — потенциально он мог иметь пропагандистский резонанс и серьезное рекламное значение. В итоге Боноски пригласили в Москву, где он провел неделю (26 сентября — 3 октября). Из отчета его гида И. Йоффе следует:

Вечера Ф. Боноски проводил в театре — смотрел в Большом театре балет «Бахчисарайский фонтан», оперы «Аида» и «Отелло» и др.

В субботу 1 октября он имел деловое свидание с М.О. Мендельсоном <!>, с которым беседовал о современной американской литературе.

Свою сберегательную книжку Ф. Боноски увез с собой. После расчетов за гостиницу, авиационный билет и др., у него остался вклад размером около 13.000 рублей. По словам Ф. Боноски, он остался очень доволен пребыванием в Москве и надеется в будущем году снова побывать здесь вместе с семьей³⁷.

По-видимому, Боноски так и не осуществил запланированное: не посетил сталзаводы, суды, колхозы, мало общался с профсоюзными активистами. Свое время в Москве он посвятил организации личных дел, приведению в порядок сберсчета и общению с литературными чиновниками СП.

Ознакомиться с романами Боноски советский читатель смог только в конце 1961 г. После двух лет настойчивого и нетерпеливого вопрошания автор получил заветную новость: «Волшебный папоротник» и «Долина в огне» наконец вышли в свет. Реакция советских литературных критиков на них была доброжелательной, но достаточно сдержанной. Анонсируя появление «Волшебного папоротника», А. Елистратова сообщала:

<...> роман американского писателя Филиппа Боноски — наглядное опровержение широко рекламируемых в американской

³⁷ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4039. Л. 1. Упомянут возглавивший в том году группу американистов ИМЛИ АН СССР М.О. Мендельсон (1904–1982).

буржуазной печати теорий, согласно которым возможности реалистического романа о рабочем классе Америки исчерпаны. Года два тому назад профессор иллинойского университета Д. Браун счёл нужным посвятить особый доклад на международном съезде славистов доказательству того, что американская пролетарская литература 30-х годов представляла собой не более как частный и скоропреходящий «эпизод» в литературном развитии США (к тому же эпизод, чуть ли не выдуманный или инспирированный советской литературной критикой!)³⁸. В то самое время, когда чикагский профессор предпринял эту попытку отменить на будущее, «за ненадобностью», одну из самых жизненных и плодотворных традиций реалистической литературы США, Боноски заканчивал работу над своей книгой, в которой явственно ощущается прямая, кровная связь с наследием боевого социального романа 30-х годов³⁹.

В сходном ключе писал и П. Балашов — автор предисловий к «Волшебному папоротнику» и «Долине в огне». Он подчеркивал «злободневность» социальных романов Боноски, в которых «верно воссоздается общая атмосфера в стране». По мнению Балашова, общественная жизнь Америки конца 1950-х — начала 1960-х гг. сводилась к «ожесточенной борьбе внутри профсоюзов, закулисным маневрам хозяев», слежке и доносам⁴⁰.

Несмотря на то что советская критика воздавала Боноски похвалы и прочила успех, его карьера романиста завершилась к 1960-м гг. Из анкеты журнала «Иностранная литература» мы узнаем, что писатель работал над романом о нью-йоркском художнике «Я улыбаюсь, хоть и слеп», пьесой «Пиранья», однако так и не закончил их⁴¹. В 1960–1980-е гг. он всецело обратился к публицистике.

«Грани широкой панорамы»: Боноски-публицист

В 1960 г. Боноски отправился в Ханой, где увидел те же сцены, что и в Литве: юношей и девушек, увлеченно трудящихся на полях, новые фабричные центры, залитые солнцем села. По возвращении в США он издал травелог «За границами мифа: от Вильнюса до Ханоя» (1967), в котором суммировал свои впечатления от

³⁸ Эдвард Джеймс Браун (1909–1991) — уже упоминавшийся американский литературовед, автор ряда фундаментальных книг, в том числе «Пролетарский эпизод русской литературы, 1928–1932» [6].

³⁹ *Елистратова А.* Операция «Тэрпен» получает огласку.

⁴⁰ *Боносский Ф.* Долина в огне. М.: Худож. лит., 1961. С. 12.

⁴¹ *Боноски Ф.* Ответ на международную анкету // Иностранная литература. 1964. № 1. С. 240.

посещения советской Литвы и Демократической Республики Вьетнам. Разоблачая «миф об освободительной миссии США», Боноски повторял:

Надежды всего мира — включая надежды на американское будущее — связаны с победой вьетнамцев. Пытаясь «убить коммунизм», мы уничтожаем Джефферсона и Линкольна. Стремясь завоевать мир, мы только теряем собственные души⁴².

Этот травелог не был переведен на русский язык, однако в советской прессе печатались его отрывки⁴³. В 1960-е гг. не только коммунисты (Г. Аптекарь), но и целый ряд других представителей американского общества, культуры (литературный критик Мэри Маккарти, писательница Сьюзан Зонтаг), многочисленные правозащитники и журналисты побывали в Северном Вьетнаме. Засвидетельствовав несправедливый и антигуманный характер военной интервенции, паломники в Ханой призывали американских политиков к скорейшему окончанию войны. В этом смысле позиция Боноски мало отличалась от позиции многих западных интеллектуалов, выступавших с пацифистскими лозунгами.

В августе 1963 г. журнал «Mainstream», редактируемый Боноски, перестал выходить в свет. Лишь в 1968 г. Боноски получил схожую должность, став заведующим отделом культуры коммунистической газеты «Daily World». Этот «наблюдательный пункт», который писатель занимал в течение шести лет, дал ему возможность следить за тем, как «кипяток культурной активности бьет через край, затопляя страну»⁴⁴. На основе своих газетных публикаций Боноски составил книгу «Две культуры», вышедшую только на русском языке в издательстве «Прогресс». В 1970-е гг. «Прогресс» выпустил целый ряд подобных сборников американских литераторов — советских симпатизантов («Дом со многими окнами» М. Каули (1973), «Ответственность критики» Ф. Маттисена (1972), «Американские современники» М. Гайсмара (1976)).

«Две культуры» Боноски — книга-попури о «новых левых», негритянском театре, Бродвее, Голливуде, телевизионных программах, американских выборах. Из нее советский читатель, которого раньше партийные цензоры оберегали от неподобающего

⁴² Панов Н. Путешествие за правдой // Литературная газета. 1969. 4 июня.

⁴³ Боноски Ф. За пределами мифа // Известия. 1968. 14 ноября; За пределами мифа. Отрывки из книги // За рубежом. 1968. 19–25 июля. С. 9–10.

⁴⁴ Боноски Ф. Две культуры. М.: Прогресс, 1978. С. 19.

чтива, мог почерпнуть шокирующие факты о калифорнийской «наркотической культуре», хиппи и гомосексуалах. Сборник буквально изобилует натуралистическими подробностями:

В своем стремлении стереть границы между реальностью и иллюзией, между грехом и любовью, преступлением и бунтом, психическим здоровьем и аффектом они <хиппи>, увы, слишком далеко зашли. Новая волна подростков уже не просто играла в патологию, но жила ею. Теперь, когда «дети-цветы» доверчиво ложились в постель первого встречного, случалось, что им не суждено было проснуться. А в наркотик, который они столь же доверчиво приобретали бог знает у кого, нередко подсыпали битое стекло или сахар, а то и песок, от чего их страшно рвало <...>. Кроме всего прочего, со временем их стали преследовать несчастья и более зауярдного свойства. В их длинных, слишком давно не мытых волосах завелись вши, которые в свою очередь приводили к болезням. Иглы, с помощью которых они вводили себе в вены наркотик, часто оказывались нестерильными, что приводило в лучшем случае к гепатиту⁴⁵.

Таким образом, писатель-коммунист Боноски одним из первых приоткрыл перед неискушенным советским читателем завесу над ранее табуированными темами. Примечательно, но «Две культуры», обладавшие громадным взрывным потенциалом, не произвели сильного впечатления на советскую публику и не стали настольной книгой советских «неформалов», по крупицам собиравших сведения о жизни своих американских допельгангеров.

На рубеже 1960–1970-х гг. Боноски многократно бывал в СССР: 23 июля – 6 августа 1969 г. как гость международного кинофестиваля; с 14 июля по 16 августа 1970 г. как исследователь, работающий над книгой о национальной политике Советского Союза; с 26 сентября 1972 г. — в рамках десятидневной творческой поездки. С 1978 г. он подолгу жил в Москве в качестве иностранного корреспондента «Daily World».

Заключение

Своеобразный, но одновременно типичный «кейс» Боноски — левого литератора, расцвет карьеры которого пришелся на 1950-е гг., позволяет уточнить разрабатываемую нами функциональную

⁴⁵ Там же. С. 76–77.

модель, описывающую особенности идеологической и творческой эволюции американских писателей — сторонников советской идеи.

Как и другие «прогрессивные авторы», Боноски с энтузиазмом воспринимал перспективы творческого сотрудничества с СССР. В эпоху «оттепели» авторы разного масштаба и политических симпатий разделяли эти настроения. Так, П. Новик вел переговоры с СП по поводу издания в Советском Союзе произведений еврейских писателей⁴⁶, А. Мальц просил рассмотреть возможность публикации его романа «Крест и стрела» в русском переводе⁴⁷, Дж. Дайс предлагал свои романы «Вашингтонская история» и «Синие осколки»⁴⁸, А. Бесси — роман «Антиамериканцы»⁴⁹, М. Додд — книги «Под лучом прожектора», «Записки посла»⁵⁰ и т. д. Боноски не входил в число писателей, чьи романы советские издатели были готовы отправить в печать вне очереди. Напротив, его переписка с Е. Гольшевой и Ф. Лурье свидетельствует, что Боноски приходилось постоянно держать руку на пульсе: наводить справки, требовать гарантий, проявлять настойчивость, и даже назойливость, вопрошая, когда же его сочинения дойдут до читателя и он получит заслуженный гонорар.

Как и другие лояльные авторы, многократно бывавшие в СССР, Боноски восхвалял достижения социалистического строительства, апеллируя к своему личному опыту. Отказываясь признавать, что его оценки были или могли быть продуктом манипуляций и самообмана, писатель повторял:

...я собственными глазами увидел народ, настойчиво строящий новую жизнь. Это были живые люди, их руки касались моих, я слышал их слова и вглядывался в их глаза. Когда я ощупывал собственными руками цементную кладку на большой плотине, сооруженной возле Каунаса, это, право же, была не иллюзия, а самая неопровержимая реальность⁵¹.

Боноски был в числе тех паломников, кто «с лучезарным оптимизмом» путешествовал по небогатым селам и с «непоколебимой

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3979.

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3876.

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3914.

⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4107.

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3947.

⁵¹ *Боноски Ф.* Непрошенные «освободители». С. 25.

верой вслушивался в штампы» гидов⁵². В 1920–1930-е гг. такое поведение западных интеллектуалов и писателей, посещавших новое пролетарское государство, было скорее нормой, чем исключением. Однако в 1960–1970-е гг., когда на Западе скопился огромный массив свидетельств иностранных корреспондентов, перебежчиков, невозвращенцев, бывших заключенных лагерей, дискредитировавших советский режим; когда появилась наука советология и сочинения «дружественных» СССР авторов стали объектом исследовательского критического интереса; и наконец, когда сами, некогда лояльные режиму писатели, начали вглядываться в свое «красное» прошлое, писать мемуары и книги воспоминаний, подвергая мучительной ревизии прожитую жизнь⁵³, позиция Боноски значительно выделялась на общем фоне. Иными словами, писатель двигался по пути, который его предшественники уже не раз признавали тупиковым.

Можно предположить, что восхищение Боноски СССР объясняется «оттепельными» настроениями, когда маятник общественного мнения на Западе вновь качнулся на Восток. Тогда многие интеллектуалы, литераторы и журналисты (Лилян Хеллман, Альберт Мальц, Хаим Суллер, Жан-Поль Сартр) отправились «в гости к советской власти». Обремененные багажом горьких прозрений, они все же надеялись на десталинизацию и демократизацию СССР после XX съезда КПСС. Протягивая руку за океан, эти «верные путаники» словно выходили на новый виток спирали своей идеологической и творческой эволюции. Из разряда «сталинистов» они перешли в стан «скептических паломников» и сблизилась с советской либеральной интеллигенцией. В отличие от них Боноски двигался не по спирали, а по плоскости, в которой существуют два измерения: по оси абсцисс располагался лагерь «прогресса», по оси ординат — лагерь «империалистической реакции». От этой терминологии, отражавшей его видение мира, писатель не отказался вплоть до своей смерти.

⁵² *Muggeridge M. Chronicles of Wasted Time. London: Collins, 1973. P. 244.* Малкольм Маггеридж (1903–1990) — британский журналист; посетив СССР, он написал книгу «Зима в Москве» (1934).

⁵³ См., например: *Gates J. The Story of an American Communist. New York: Thomas Nelson, 1958; Starobin J. American Communism in Crisis, 1943–1957. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1972; Hellman L. Pentimento. Scarborough, Ontario: The New American Library of Canada Limited, 1974; Hellman L. Scoundrel Time. London: Macmillan, 1976 и др.*

Литература

1. История американской литературы: в 2 ч. / под ред. Н.И. Самохвалова. М.: Просвещение, 1971.
2. *Костырченко Г.В.* Тайная политика Хрущева. Власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М.: Международные отношения, 2012. 528 с.
3. *Орлова П.* Мосты (русско-американские литературные связи) / вступ. ст., публ. и коммент. В.Н. Абросимовой // Науч.-образоват. центр «Эрудит». М., 2021. URL: <https://eruditonline.ru/library/doc/449.html> (дата обращения: 07.03.2024). DOI: 10.22455/2541-7894-2019-6-296-378
4. *Орлова П.* Хемингуэй в России. Ann Arbor: Ardis, 1985. 86 с.
5. *Brown D.* Soviet Attitudes toward American Writing. Princeton: Princeton University Press, 1962. 338 p.
6. *Brown E.J.* The Proletarian Episode in Russian Literature, 1928–1932. New York: Columbia University Press, 1953. 311 p.
7. *Levin D.* Stormy Petrel: The Life and Work of Maxim Gorky. New York: Appleton-Century, 1965. 332 p.
8. *Weil I.* Gorky: His Literary Development and Influence on Soviet Intellectual Life. New York: Random House, 1966. 238 p.

Research Article and Publication of Archival Documents

“A Trusted Ally”: Phillip Bonosky’s Soviet Contacts

© 2024. Olga I. Shcherbinina

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

Acknowledgement: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support from the Russian Science Foundation, grant no. 23-18-00393 “Russia and the West Viewing Each Other: Literature at the Intersection of Culture and Politics, 20th Century” (<https://rscf.ru/project/23-18-00393/>).

Abstract: The article reconstructs the literary contacts of the American writer and publicist Phillip Bonosky (1916–2013) with the USSR. When the US Communist Party reached its crisis point in 1956, Bonosky did not renege on his political commitments to the USSR, having established himself as a devoted communist and “defender of the foundations.” Based on archival materials deposited in RGALI, we demonstrate that such a pro-Soviet position promised the writer personal preferences, which he enjoyed with pleasure. Bonosky visited the USSR many times — both workwise and with cultural and entertainment visits. On many occasions, he tried using his acquaintances and pulled a few strings when it came to speeding up the publication of his works in Russian and receiving royalties for them. However, as

a writer of short stories and “proletarian” novels, Bonosky enjoyed great success neither in the USSR nor in the USA: his writings remained a marginal phenomenon and were hardly perceived as a significant cultural value in the Khrushchev thaw era, despite the declared interest of Soviet critics in works about the life and struggle of American workers.

Keywords: Soviet-American literary contacts, Phillip Bonosky, the Third Congress of Soviet Writers, the Cold War and the Thaw, archival documents.

Information about the author: Olga I. Shcherbinina, Junior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, 121069 Moscow, Russia; Lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Vernadsky Ave., 82/2, 119671 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2102-547X>

E-mail: olga-scherbinina24@mail.ru

For citation: Shcherbinina, O.I. “A Trusted Ally’: Phillip Bonosky’s Soviet Contacts.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (32), 2024, pp. 341–361. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-341-361>

References

1. Samokhvalov, N.I., editor. *Istoriia amerikanskoi literatury: v 2 ch. [History of American Literature: in 2 parts]*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971. (In Russ.)
2. Kostyrchenko, G.V. *Tainiaia politika Khrushcheva. Vlast', intelligentsiia, evreiskii vopros [Khrushchev's Secret Policy. Power, Intelligentsia, Jewish Question]*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2012. 528 p. (In Russ.)
3. Orlova, R. “Mosty (russko-amerikanskii literaturnye svyazi)” [“Bridges (Russian-American Literary Ties)”], introd., publ. and comm. by V.N. Abrosimova. *Nauchno-obrazovatel'nyi tsentr “Erudit” [Scientific and Educational Center “Erudite”]*. Moscow, 2021. Available at: <https://eruditonline.ru/library/doc/449.html> (Accessed 07 March 2024). DOI: 10.22455/2541-7894-2019-6-296-378 (In Russ.)
4. Orlova, R. *Kheminguei v Rossii [Hemingway in Russia]*. Ann Arbor, Ardis Publ., 1985. 86 p. (In Russ.)
5. Brown, Deming. *Soviet Attitudes Toward American Writing*. Princeton, Princeton University Press, 1962. 338 p. (In English)
6. Brown, Edward J. *The Proletarian Episode in Russian Literature, 1928–1932*. New York, Columbia University Press, 1953. 311 p. (In English)
7. Levin, Dan. *Stormy Petrel: The Life and Work of Maxim Gorky*. New York, Appleton-Century, 1965. 332 p. (In English)
8. Weil, Irwin. *Gorky: His Literary Development and Influence on Soviet Intellectual Life*. New York, Random House, 1966. 238 p. (In English)